

Структурный анализ санкционного давления на Российскую Федерацию

Владимир Антонович Сологуб¹, Дарья Сергеевна Труханович²

^{1,2}Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия

¹sologub-va@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8488-7806>

²trukhanovich-ds@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3330-171X>

Аннотация

Введение. После 2022 г. пакеты ограничительных мер в отношении Российской Федерации приобрели качественно иной характер: дискретные санкционные действия уступили место формированию целостной, эшелонированной и внутренне непротиворечивой системы принуждения. На современном этапе экономического противостояния подобная архитектура требует не столько инвентаризации конкретных запретов, сколько анализа их структурной связности, механизмов взаимного усиления и кумулятивных эффектов. Актуальность структурного подхода обусловлена необходимостью понимания не только непосредственных ограничений, но и долгосрочных стратегических вызовов для экономической безопасности и модели развития страны.

Цель. Проведение комплексного анализа архитектуры санкционного давления на Российскую Федерацию через выявление взаимосвязей между ее ключевыми компонентами и оценку их эволюции в 2014–2025 гг., что позволяет не только раскрыть особенности этой архитектуры, но и определить долгосрочные стратегические вызовы для экономической безопасности и модели развития страны

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил качественный анализ документов, направленный на структурирование и систематизацию массива санкционных мер. Для обработки данных использованы такие методы, как вторичный анализ данных, структурно-функциональный анализ и сравнительный анализ.

Результаты. В ходе исследования проведен комплексный анализ архитектуры санкционного давления на Российскую Федерацию с 2014 по 2025 гг. Метод структурного анализа позволяет декомпозировать единый режим ограничений на ключевые взаимосвязанные блоки: финансовый, торгово-технологический, энергетический и персональный. В фокусе внимания находятся меры, введенные странами «ядра» западной коалиции – США, Европейским союзом, Великобританией и Швейцарией, – чьи решения обладают экстерриториальным эффектом и формируют каркас глобальных ограничений.

Выводы. Структурная логика западных санкций (особенно после 2022 г.) нацелена не на краткосрочное изменение политики, а на долгосрочное ослабление технологической, финансовой и логистической самостоятельности России. Ответом на эти вызовы может стать только комплексная стратегия импортозамещения, перестройка финансовых потоков и глубокая интеграция с новыми торговыми партнерами, что требует отдельного прогнозно-управленческого исследования.

Ключевые слова: российская экономика, санкции, санкционная политика, санкционное давление, структурный анализ, архитектура санкций, антироссийские санкции, «ядро санкций», технологическая самостоятельность, ценовая конкурентоспособность

Для цитирования: Сологуб В. А., Труханович Д. С. Структурный анализ санкционного давления на Российскую Федерацию // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2026. № 2. С. 82–95. EDN PJFDNK

Original article

A structural examination of sanctions imposed on the Russian Federation

Vladimir A. Sologub, Daria S. Trukhanovich^{1,2}Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia¹sologub-va@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8488-7806>²trukhanovich-ds@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3330-171X>

Abstract

Introduction. After 2022, the packages of restrictive measures against the Russian Federation took on a qualitatively different character: discrete sanctions actions gave way to the formation of a holistic, layered, and internally consistent system of coercion. At the current stage of economic confrontation, such an architecture requires not so much an inventory of specific prohibitions as an analysis of their structural coherence, mechanisms of mutual reinforcement, and cumulative effects. The relevance of a structural approach stems from the need to understand not only immediate restrictions but also long-term strategic challenges for the country's economic security and development model.

Purpose. To conduct a comprehensive analysis of sanctions pressure on the Russian Federation by identifying interconnections between its key components and assessing their evolution from 2014 to 2025, with the aim of revealing the distinctive features of the architecture of sanctions pressure on the Russian Federation.

Materials and methods. The methodological basis of the research was qualitative document analysis, aimed at structuring and systematizing the corpus of sanctions measures. Methods such as secondary data analysis, structural-functional analysis, and comparative analysis were used to process the data.

Results. The study conducted a comprehensive analysis of the architecture of sanctions pressure on the Russian Federation from 2014 to 2025. The structural analysis method makes it possible to decompose a unified regime of restrictions into key interrelated blocks: financial, trade-technological, energy, and personal. The focus is on measures introduced by the countries of the «core» of the Western coalition – the United States, the European Union, the United Kingdom, the Switzerland – whose decisions have an extraterritorial effect and form the framework of global restrictions.

Conclusions. The structural logic of Western sanctions (especially after 2022) is aimed not at a short-term policy change, but at a long-term weakening of Russia's technological, financial and logistical independence. The answer to these challenges can only be a comprehensive import substitution strategy, restructuring of financial flows and deep integration with new trading partners, which requires a separate forecasting and management study.

Keywords: Russian economy, sanctions, sanctions policy, sanctions pressure, structural analysis, architecture of sanctions, anti-Russian sanctions, "core of sanctions", technological independence, price competitiveness

For citation: Sologub V.A., Trukhanovich D.S. A structural examination of sanctions imposed on the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2026;(2):82–95. (In Russ.). EDN PJFDNK

Введение

Современное государство не может существовать в вакууме и постоянно испытывает на себе влияние внешней среды – других государств, международных организаций или объединений стран и пр. Одним из внешних инструментов влияния на внутригосударственную жизнь являются санкции. Санкционная политика выступает существенным экзогенным фактором, воздействующим на внутренние процессы суверенных государств. В контексте современной мировой политики ее значение эволюционировало от инструмента силового принуждения до маркера глубинных изменений. Санкции все отчетливее отражают сдвиги в балансе сил, переопределение границ государственного суверенитета и конфигурацию новой иерархии в системе международных отношений.

Санкции представляют собой ограничительные меры против определенных государств, отдельных компаний или физических лиц, применяемые в качестве наказания за какие-либо проступки или действия. Создаваемые таким образом препятствия для деятельности могут не только затрагивать отдельные направления развития и сферы экономики, но и носить всеобъемлющий характер [1].

К пониманию природы санкций в научном сообществе сложилось несколько подходов:

– сторонники первого подхода (например, Е.П. Гармашова, А.М. Дребот, А.Г. Баранов [2]) отмечают в качестве основной цели санкций влияние на внутреннюю политику через инструменты внешнего принуждения. Санкции могут включать дипломатические, экономические, коммуникационные и другие виды ограничений;

– сторонники второго подхода подчеркивают консолидацию различных субъектов через введение санкций;

– сторонники третьего подхода (например, А.В. Семенов [3]) акцентируют внимание на несиловой природе санкций;

– сторонники четвертого подхода подчеркивают юридическую основу и регуляторную функцию санкций. В данной парадигме санкции – это инструмент давления, закрепленный в международном и национальном праве, который используется для регулирования внешней торговли, финансовых потоков и инвестиций путем ограничения доступа к ресурсам и рынкам¹.

При этом, как справедливо отмечают Е. А. Телегина, Г. О. Халов, санкции необходимо отличать от такого политико-экономического инструмента как торговые войны. Сутью санкций является достижение политических целей путем экономических ограничений. Цель торговых войн – улучшение собственных конкурентных позиций на рынках с помощью регуляторных мер, таких как пошлины, тарифы и таможенные сборы [4].

В доктрине международного права под санкциями в широком смысле принято понимать комплекс принудительных мер, инициируемых субъектами мировой политики в индивидуальном или коллективном порядке. Важно подчеркнуть, что действующее международное законодательство не содержит прямых запретов на применение подобных инструментов государствами. Следовательно, фактические ограничители их использования чаще формируются под влиянием внутреннего общественного дискурса страны-инициатора.

Санкции против России остаются одной из ключевых тем в мировой экономике и геополитике. Начиная с 2014 г. и по настоящее время, со стороны мирового сообщества накладываются санкции, которые оказывают существенное влияние на все сферы общественной жизни России. При этом наблюдается постепенный переход от точечных ограничений в отношении отдельных лиц и предприятий к блокировке целых отраслей российской экономики [5].

Начиная с февраля 2022 г. и до августа 2025 г., на Россию было наложено почти 24 тыс. новых санкций. Большинство – со стороны США (более 6,4 тыс.), Канады (3,7 тыс.), Швейцарии (3,8 тыс.), Евросоюза (2,5 тыс.), Франции (2,5 тыс.), Великобритании (2,1 тыс.), Австралии (1,6 тыс.) и Японии (1,4 тыс.)².

И если в 2014–2021 гг. Россия фактически приспособлялась к западным санкциям, стремясь избежать дополнительных и вторичных санкций, то после 2022 г., когда большое количество крупного российского бизнеса и подавляющая по активам доля банков оказались под массивными рестрикциями Запада, прежняя политика утратила смысл [6, с. 8].

Санкции, введенные после 2022 г., представляют собой не просто набор ограничительных мер, а целостную, эволюционирующую и многоуровневую архитектуру. Их структурный анализ позволяет перейти от констатации фактов к пониманию системной логики западной политики сдерживания, выявить взаимосвязи между финансовыми, технологическими и отраслевыми блоками ограничений. Это необходимо для формирования адекватной картины нового мирохозяйственного уклада, в котором Россия вынуждена функционировать. Понимание структуры, а не просто перечня санкций, поможет в будущем оценить «узкие места» и точки роста экономики, спрогнозировать долгосрочные эффекты (технологическое отставание, кадровый разрыв, переориентация логистики) и разработать эффективные механизмы адаптации.

В этой связи в рамках данного исследования проводится комплексный анализ архитектуры санкционного давления на Российскую Федерацию через выявление взаимосвязей между ее ключевыми компонентами и оценку их эволюции в 2014–2025 гг. Особое внимание уделяется не только текущей структуре ограничений, но и прогнозированию долгосрочных эффектов: технологического разрыва, трансформации финансовой системы и перестройки логистических коридоров.

¹ Что такое санкции: простыми словами о сложном – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vfokuse.mail.ru/card/sanktsii-1212/> (Дата обращения: 01.12.2025 г.)

² Санкции: что это, виды, как работают, влияние санкций США и ЕС на Россию – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/base/24/02/2025/67aefb519a7947878698988a> (Дата обращения: 20.12.2025 г.)

Аналитическая часть исследования сосредоточена на двух взаимосвязанных компонентах:

- архитектура санкционного давления на Российскую Федерацию по странам (Европейский Союз, США, Швейцария и Великобритания) и сферам (финансы, энергетика, торговля и пр.);
- эволюция санкционных мер в отношении Российской Федерации с 2014 по 2025 гг. в разрезе стран и сфер применения.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил качественный анализ документов, направленный на структурирование и систематизацию массива санкционных мер. Работа носит дескриптивно-аналитический характер.

В качестве первичных источников данных в исследовании выступили:

- отраслевой обзор санкционной политики, подготовленный аналитическим подразделением юридической фирмы VEGAS LEX («Международные санкции в отношении российских юридических и физических лиц в связи с украинским кризисом»¹), актуализированный по состоянию на 31 марта 2025 г. Выбор этого документа обусловлен его хронологической полнотой: он содержит детализированный перечень санкционных актов, что позволяет реконструировать временную динамику ужесточения режима.

- специализированный путеводитель по ограничительным мерам в отношении РФ (период после 22 февраля 2022 г.), размещенный в справочно-правовой системе «Гарант». Данный ресурс привлекался преимущественно для целей верификации: сверки формулировок, кросс-проверки юрисдикционной принадлежности субъектов ограничений и уточнения нормативных дефиниций, которые в первичных документах нередко носят рамочный характер.

Для обработки данных применялись следующие методы:

- вторичный анализ данных. Применение вторичного анализа данных не сводилось к пассивному воспроизведению хронологических перечней из вышеназванных источников. Напротив, на его основе проведена реинтерпретация и последующая агрегация разнородных санкционных позиций, подчиненная задачам настоящего исследования – например, выделению целевых секторов или типов субъектов.

- структурно-функциональный анализ, который позволил рассматривать санкционный режим в отношении РФ не как механистическую совокупность изолированных запретов, а как иерархически организованную систему функционально связанных блоков. Такой ракурс обеспечил выявление внутренней логики и архитектоники санкционного давления, включая зоны дублирования и точки приложения максимальных усилий.

- метод сравнительного анализа, который использовался для сопоставления ограничительных мер, инициированных различными юрисдикциями (США, ЕС, Великобритания, Швейцария, Япония и др.). Целью выступало выявление степени синхронизации этих мер, фиксация регуляторных универсалий, а также идентификация уникальных национально-специфичных ограничений, выпадающих из общего тренда.

Основным ограничением выбранного подхода к исследованию является работа со вторичными, уже агрегированными источниками, что может приводить к определенной субъективности в интерпретации первоисточников составителями обзоров. Для минимизации этого влияния применялся сравнительный анализ двух независимых профессиональных источников.

Результаты и обсуждение

Теория экономических санкций предполагает, что многосторонние санкции, зачастую вводимые при содействии международных организаций, являются более эффективными с позиции размера экономического ущерба для страны-мишени [7].

Первая волна санкций против России началась в 2014 г. как ответ на возвращение Крыма и дестабилизацию системы государственной власти на Украине. В период с 2014 по 2022 г. санкционное давление на Россию действительно формировалось и определялось в первую очередь Европейским союзом и США.

¹ Отчет юридической фирмы VEGAS LEX «Международные санкции в отношении российских юридических и физических лиц в связи с украинским кризисом» – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vegalex.ru/upload/medialibrary/015/mm2x8n7vi5vyljld6a939vijwut39tj3/VEGAS_LEX_Alert_Sanctions_Mar_ch_2025_RUS.pdf (Дата обращения: 20.12.2025 г.).

В табл. 1 представлена информация о санкциях, наложенных на Российскую Федерацию странами Европейского Союза за 2014–2022 гг. Анализ информации показывает, что наиболее жесткие меры до 2022 г. были в финансовой сфере и касались Крыма. В энергетике и общей торговле (кроме военных товаров) ограничения были точечными, что показывает изначальную осторожность ЕС.

Таблица 1 – Санкции в отношении России со стороны ЕС (2014-2022)¹

Table 1 – EU sanctions against Russia (2014–2022)

Сфера применения	Основные меры
Финансы	– замораживание активов физических и юридических лиц (список: 203 физ. и 51 юр. лицо); – ограничение доступа к рынкам капитала ЕС для российских банков и компаний.
Торговля	– запрет импорта товаров из Крыма и Севастополя без украинского сертификата; – эмбарго на поставки оружия и товаров двойного назначения для военных целей.
Энергетика	– ограничение доступа к технологиям для разведки и добычи нефти.
Транспорт	– ограничения на инвестиции и торговлю в Крыму.
Персональные санкции	– запрет на въезд для отдельных лиц (персональные санкции).

Четко прослеживается стратегия:

- целенаправленность (на элиты и конкретные сектора).
- принципиальность в вопросе территориальной целостности (меры по Крыму).
- стремление минимизировать ущерб для собственной экономики (особенно видно по энергетическому блоку).

Санкции США в 2014 – 2022 гг. (см. табл. 2) носили точечный, но стратегически выверенный характер, направленный на оказание максимального давления при минимизации негативных последствий для глобальной экономики и самих США.

В отличие от более широких торговых ограничений ЕС, американский подход концентрировался на ключевых секторах, составляющих основу российской экономической и политической мощи: финансах, энергетике и оборонно-промышленном комплексе. Удар по крупнейшим государственным банкам (Сбербанк, ВТБ) и ограничения на операции с госдолгом были призваны подорвать финансовую стабильность и увеличить стоимость заимствований для государства и компаний.

Таблица 2 – Санкции в отношении России со стороны США (2014-2022)²

Table 2 – US sanctions against Russia (2014–2022)

Сфера применения	Основные меры
Финансы	– блокировка активов отдельных лиц и компаний (Сечин, Роснефть и др.); – ограничения на операции с госдолгом; – санкции против банков (Газпромбанк, ВЭБ, Сбербанк, ВТБ).
Энергетика	– запрет на поставки технологий для глубоководной и арктической добычи нефти; – ограничения для компаний (Роснефть, Новатэк, Транснефть).
Оборона	– санкции против оборонных предприятий (Алмаз-Антей, Рособоронэкспорт).
Персональные санкции	– запреты для чиновников и олигархов.

В фокусе американского регуляторного воздействия, вопреки расхожему мнению, последовательно находился топливно-энергетический комплекс. Причем доминантой выступало не сиюминутное перекрытие экспортных потоков, а инструментальное использование самого нефтегазового сектора

¹ Таблица составлена авторами самостоятельно на основании анализа обзора антироссийских санкций от юридической фирмы VEGAS LEX «Международные санкции в отношении российских юридических и физических лиц в связи с украинским кризисом» – [Электронный ресурс] – URL: https://www.vegalex.ru/upload/medialibrary/015/mm2x8n7vi5vyljld6a939vijwut39tj3/VEGAS_LEX_Alert_Sanctions_Mar_ch_2025_RUS.pdf (Дата обращения: 20.12.2025 г.).

² Таблица составлена авторами самостоятельно на основании анализа обзора антироссийских санкций от юридической фирмы VEGAS LEX «Международные санкции в отношении российских юридических и физических лиц в связи с украинским кризисом» – [Электронный ресурс] – URL: https://www.vegalex.ru/upload/medialibrary/015/mm2x8n7vi5vyljld6a939vijwut39tj3/VEGAS_LEX_Alert_Sanctions_Mar_ch_2025_RUS.pdf (Дата обращения: 20.12.2025 г.).

в качестве «кровеносной системы», питающей как бюджетную обеспеченность высших эшелонов власти, так и ресурсную базу внешнеполитического курса. Запретительные нормы в отношении трансфера технологий, задействованных при глубоководном бурении и на арктическом шельфе, проектировались западными юрисдикциями прежде всего как механизм деградации долгосрочного воспроизводственного потенциала отрасли. Текущие уровни извлечения сырья подобными ограничениями не блокировались, однако закладывался лаг – со временем это сужало технологическую траекторию и обрекало отрасль на консервацию отставания в смежных компетенциях, что в перспективе сжимало коридор будущих нефтегазовых доходов.

Параллельно санкционный аппарат нацеливался на конкретные корпоративные единицы («Роснефть», «Новатэк») и поименованных физических лиц (в частности, И. Сечина). Набор таких мер носил не столько экономический, сколько сигнально-индикативный характер: адресатом выступал не баланс самого предприятия, а его интеграция в ближний периметр властных отношений. Тем самым демонстрировалось намерение напрямую воздействовать на лиц, аффилированных с принятием ключевых решений, включая связанные с ними бизнес-структуры.

Третий сегмент предложенной архитектуры – оборонный блок. Санкции в отношении ПАО «Алмаз-Антей» и АО «Рособоронэкспорт», и аналогичных субъектов конструировались как прямой удар по ВПК, причем с прицелом не столько на текущие логистические цепочки, сколько на способность к перевооружению и ведению внешних операций в средне- и долгосрочном горизонте. Именно модернизационная компонента российской армии становилась здесь главным узлом уязвимости, который и пытались эксплуатировать инициаторы ограничений. Однако, как и меры ЕС того же периода, эти санкции носили скорее сдерживающий и сигнальный характер, будучи рассчитаны на изменение поведения России, а не на полномасштабное экономическое противостояние, которое развернулось после февраля 2022 г. Таким образом, до 2022 г. эти санкции имели скорее сдерживающий и сигнальный характер. Они не привели к изменению политики России, но создали структурные слабости в финансовой системе и технологическом развитии, последствия которых проявились позже.

С 2022 г. в ответ на начало специальной военной операции России зарубежные страны ввели обширный пакет санкций. Причем, если до 2022 г. ведущую роль в санкционном давлении играли США и ЕС, то с 2022 г. необходимо также выделить санкции со стороны Великобритании и Швейцарии. Именно санкции этих четырех стран составляют «ядро западной санкционной коалиции», что обусловлено тем, что решения этих стран носят не только национальный, но и экстерриториальный характер, вынуждая подчиняться им компании и банки по всему миру из-за доминирования доллара, евро и лондонского финансового центра. Санкции других стран (Канады, Японии, Австралии, Норвегии и т.д.) чаще всего являются производными или зеркальными по отношению к мерам «ядра». Их самостоятельный вклад в структуру давления минимален, хотя они и усиливают общий эффект. Так, с 2022 по 2025 гг. ЕС ввели больше десятка пакетов санкций, которые затронули такие сферы как финансы, торговля, энергетика, транспорт и пр. Подробно основные санкции ЕС представлены в табл. 3.

Острота сложившейся ситуации особенно остро ощущается в связи с тем, что торговля с Евросоюзом в течение продолжительного периода была для России ключевым направлением, на который приходилось 35–40 % внешней торговли [8]. Также одним из последствий стала фактическая парализация европейского направления транспортной логистики России, включая осуществление наземных и морских грузоперевозок [9].

Примечательно, что с 2022 г. санкционный режим вышел далеко за рамки экономики:

- информационная война. Прямая цензура и блокировка российских государственных СМИ на территории ЕС как инструмент противодействия пропаганде;
- массовые персональные санкции. Расширение списков до тысяч лиц (включая пропагандистов, судей, силовиков) показывает цель – оказать давление на всю правящую и поддерживающую военные действия элиту, а не только на ее верхушку.

Санкционный режим 2022–2025 гг. знаменует собой институциональный разрыв прежней модели двусторонних связей между ЕС и РФ. Накопленные к 2022 г. формы торгово-экономической кооперации были не приостановлены, а демонтированы – с заменой на противоположный тип взаимодействия. Здесь правомерно говорить уже не об адаптации к отдельным запретам, а о формировании качественно иного регуляторного ландшафта. Примечательно, что декларируемые цели европейских санкционных пакетов выходят за рамки традиционной рестрикционной логики «наказания за деяние». В официальных документах и сопутствующих нарративах отчетливо прослеживается установка на многосоставное ослабление: подрываются одновременно бюджетная устойчивость, технологический суверенитет и способность российской стороны к самостоятельной геополитической проекции.

Таблица 3 – Санкции в отношении России со стороны Европейского Союза (2022-2025)¹

Table 3 – EU sanctions against Russia (2022–2025)

Сфера применения	Основные меры (включая пакеты с 1-го по 16-й)
Финансы	– полное отключение ключевых банков от SWIFT (Сбер, ВТБ и т.д.); – замораживание активов ЦБ РФ; – запрет операций с российскими госбанками, включая ВЭБ, Открытие, Альфа-Банк; – запрет на продажу евро в Россию; – ограничения на криптоактивы.
Энергетика	– поэтапный запрет импорта российской нефти, угля, нефтепродуктов; – запрет на экспорт оборудования и технологий для нефтегазового сектора; – ограничение импорта СПГ, запрет на инвестиции в проекты («Арктик СПГ-2»); – Предельные цены на нефть (\$60/баррель).
Торговля	– запрет импорта стали, золота, алмазов, древесины, морепродуктов, алкоголя; – запрет экспорта товаров двойного назначения, высоких технологий, промышленного оборудования; – запрет на предоставление услуг (IT, консалтинг, юридические, инжиниринговые, аудит).
Транспорт	– закрытие воздушного пространства для российских авиакомпаний; – запрет захода судов в порты ЕС; – запрет на перевозку грузов российским автотранспортом.
Телекоммуникации и медиа	– блокировка вещания Russia Today, Sputnik, Первого канала, НТВ и др.
Персональные санкции	– расширение списка до тысяч физических и юридических лиц (олигархи, чиновники, военные, пропагандисты); – запрет на въезд, транзит, владение активами.
Прочие меры	– запрет на участие в госзакупках ЕС; – запрет на сделки с российскими трастами; – ограничения для российских судов и самолетов; – запрет на экспорт предметов роскоши.

Иными словами, акцент смещается с точечного воздействия на широкий спектр взаимосвязанных уязвимостей. На наш взгляд, сложившаяся конфигурация мер санкционного давления укладывается в доктринальные рамки стратегии экономического сдерживания через истощение (attrition through economic containment). Ключевая особенность – ее долгосрочный горизонт: большинство запретов проектировалось не как ответная реакция, а как перманентно действующий механизм, сохраняющий давление даже при гипотетическом снижении военно-политической напряженности. Это переводит отношения из режима прерывистых санкционных циклов в плоскость фундаментального геэкономического разрыва, преодоление которого потребует длительного времени.

Из табл. 4 видно, что реакция США на эскалацию конфликта в 2022 г. – а именно на полномасштабные действия России на территории Украины – демонстрирует смену логики: прежний точечный подход к ограничениям был свернут, а вместо него сформировался режим тотального характера, охватывающий как финансовую, так и технологическую сферы, и имеющий своей целью изоляцию российской экономики в широком смысле. Центральным элементом здесь стала мера, не имеющая аналогов по масштабу последствий, – заморозка активов, принадлежащих Банку России и Министерству финансов РФ. Практическим следствием данной блокировки стал паралич существенной части золотовалютных резервов страны, которые до того считались «подушкой» макроэкономической безопасности.

¹ Таблица составлена авторами самостоятельно на основании анализа обзора антироссийских санкций от юридической фирмы VEGAS LEX «Международные санкции в отношении российских юридических и физических лиц в связи с украинским кризисом» – [Электронный ресурс] – URL: https://www.vegalex.ru/upload/medialibrary/015/mm2x8n7vi5vyljld6a939vijwut39tj3/VEGAS_LEX_Alert_Sanctions_March_2025_RUS.pdf (Дата обращения: 20.12.2025 г.)

Таблица 4 – Санкции в отношении России со стороны США (2022-2025)¹

Table 4 – US sanctions against Russia (2022-2025)

Сфера применения	Основные меры
Финансы	<ul style="list-style-type: none"> – полная блокировка активов ЦБ РФ, Минфина, ФНБ; – отключение банков от долларовых операций; – санкции против Сбербанка, Альфа-Банка, ВТБ, Открытия, Совкомбанка; – запрет на операции с российским золотом; – ограничения на криптовалюты.
Энергетика	<ul style="list-style-type: none"> – запрет импорта российской нефти, СПГ, угля; – запрет новых инвестиций в энергетический сектор РФ; – предельные цены на нефть (\$60/баррель) и нефтепродукты; – санкции против «Северного потока-2».
Торговля	<ul style="list-style-type: none"> – запрет импорта морепродуктов, алкоголя, алмазов; – запрет экспорта товаров двойного назначения, высоких технологий, предметов роскоши; – ограничения на экспорт авиационной и космической техники.
Транспорт	<ul style="list-style-type: none"> – закрытие воздушного пространства для российских авиакомпаний; – запрет захода судов в порты США.
Медиа и пропаганда	<ul style="list-style-type: none"> – санкции против медиахолдингов (Russia Today, Sputnik) и пропагандистских структур.
Персональные санкции	<ul style="list-style-type: none"> – санкции против Путина, Лаврова, Шойгу, олигархов (Усманов, Ротенберг, Пригожин), членов семей; – блокировка активов и запрет на въезд.
Юридические и консалтинговые услуги	<ul style="list-style-type: none"> – запрет на оказание аудиторских, бухгалтерских, юридических, консалтинговых услуг.
Научно-техническое сотрудничество	<ul style="list-style-type: none"> – ограничения на экспорт высоких технологий, включая микроэлектронику, ПО, оборудование.

Важно подчеркнуть кумулятивный эффект, достигаемый одновременным введением нескольких взаимно усиливающих запретов. Отключение ряда крупнейших банковских институтов от операций в долларах вкупе с ограничениями на трансграничные сделки с аффинированным золотом, по сути, образует механизм, который в экспертной литературе характеризуют как «финансовый блицкриг». Данный инструментарий проектировался не столько для единовременного шока, сколько для последовательного подрыва трех составляющих: макроэкономической устойчивости, валютной ликвидности и, главное, фискальной способности государства покрывать военные расходы.

Что касается энергетического блока, то здесь наблюдается переход от технологических ограничений по отдельным позициям (характерных для 2014–2021 гг.) к фронтальному давлению. Абсолютный запрет, наложенный на импорт российской нефти, сжиженного природного газа и угля, дополнен механизмом коалиционного потолка цен. Взятые в связке, эти меры ориентированы на долгосрочную траекторию: их целевой функцией выступает не столько немедленное сокращение экспортной выручки, сколько лишение российской стороны базового источника доходов на среднесрочном временном горизонте.

Принципиально новым элементом в выстраиваемой системе ограничений стало распространение запретительных норм не на материальные товары, а на сегмент нематериальных активов, а именно – на интеллектуальные продукты и деловые услуги (юридические, консалтинговые, аудиторские). Данный шаг преследует цель не столько блокировки торговых потоков, сколько разрушения

¹ Таблица составлена авторами самостоятельно на основании анализа обзора антироссийских санкций от юридической фирмы VEGAS LEX «Международные санкции в отношении российских юридических и физических лиц в связи с украинским кризисом» – [Электронный ресурс] – URL: https://www.vegalex.ru/upload/medialibrary/015/mm2x8n7vi5vyljld6a939vijwut39tj3/VEGAS_LEX_Alert_Sanctions_Mar_ch_2025_RUS.pdf (Дата обращения: 20.12.2025 г.).

операционального контура крупных российских корпораций – прежде всего в части их трансграничных операций. Изъятие привычной инфраструктуры глобального рынка услуг ведет к тому, что бизнес лишается критически важных компетенций по сопровождению сделок, управлению рисками и корпоративной защите.

В свою очередь, третий уровень санкционного давления ориентирован на горизонт, выходящий за рамки текущей конъюнктуры. Здесь акцент смещен на подрыв накопленного научно-технического, промышленного и оборонного потенциалов. Эмбарго на экспорт высокотехнологичной продукции – микроэлектроники, приборной базы, авиакосмических компонентов – представляет собой, по сути, отсроченную атаку на конкурентоспособность: ограничиваются не только текущие поставки, но сама возможность технологической модернизации и воспроизводства инновационного цикла. Одним из побочных, но отнюдь не малозначимых эффектов становится ускоренное моральное старение используемого оборудования. Это влечет за собой рост вероятности нарушений регламентных технологических режимов, особенно в секторах с непрерывным циклом (нефтегазодобыча, генерация). Указанные риски не исключают сценариев с крупными техногенными происшествиями, вплоть до аварий катастрофического характера, экологические последствия которых в ряде случаев не поддаются точному прогнозированию [10].

Одновременно фиксируется беспрецедентное расширение персональных санкций. Помимо высшего политического руководства страны под них попадают члены их семей, а также аффилированные структуры. В связке с блокировкой официальных информационных каналов это свидетельствует о переходе от экономико-ориентированного сдерживания к давлению на всю политико-административную и социальную систему, рассматриваемую как несущая конструкция, обеспечивающая продолжение конфликта. Совокупность перечисленных мер формирует, таким образом, не классический санкционный режим с поведенческой целью (принуждение к изменению курса), а систему, нацеленную на долгосрочное ослабление и, по сути, на возврат России к более ранним технологическим укладам по ряду критических направлений.

Санкционная политика Великобритании в интервале 2022–2025 гг. представляет собой масштабный и вместе с тем структурно интегрированный ответ, воспроизводящий основные векторы, заложенные ЕС и США. Отличительная особенность – смещение фокуса на уязвимые ниши, сформированные исторической ролью Лондона как глобального хаба движения капиталов и деловых услуг.

Как следует из данных табл. 5, ключевое место занимает полная блокировка активов Банка России, а также прицельное воздействие на системообразующие коммерческие банки (ПАО «Сбербанк», ПАО «ВТБ», АО «Альфа-Банк» и др.) путем запрета на ведение корреспондентских счетов в фунтах стерлингов. Однако наиболее показательной – и, добавим, наиболее чувствительной для двусторонних связей – следует признать меру, направленную против трастовых услуг в отношении российских бенефициаров. Именно здесь был нанесен удар по одному из самых труднозамещаемых сегментов финансовой инфраструктуры. Эта мера была прямой атакой на механизмы управления активами и собственностью, десятилетиями выстроенные российской элитой через лондонские юридические и финансовые структуры, что подрывало саму инфраструктуру их благосостояния.

Кроме того, Великобритания ввела широкий спектр секторальных ограничений, сосредоточившись на симметричном ударе по торговле и услугам. С одной стороны, были введены эмбарго на ключевые российские экспортные товары (нефть, металлы, золото, алмазы), а с другой – запрет на экспорт в Россию высоких технологий и, что критически важно, на оказание целого спектра профессиональных услуг (юридических, бухгалтерских, консалтинговых, инжиниринговых). Это не только лишало российский бизнес доступа к британскому рынку, но и полностью блокировало его операционные возможности на глобальном уровне, которые во многом зависели от лондонских экспертных сервисов. Меры против «теневого флота» и расширенные персональные санкции демонстрируют стремление закрыть возможные лазейки и оказать максимальное давление на широкий круг лиц, ответственных за войну, от политического руководства до бизнес-элит.

Таблица 5 – Санкции в отношении России со стороны Великобритании (2022-2025)¹

Table 5 – UK sanctions against Russia (2022–2025)

Сфера применения	Основные меры
Финансы	– замораживание активов ЦБ РФ; – санкции против ключевых банков (Сбербанк, ВТБ, Альфа-Банк, Тинькофф, Росбанк); – запрет на ведение корреспондентских счетов в фунтах стерлингов; – запрет на трастовые услуги для российских лиц.
Энергетика	– запрет импорта российской нефти, нефтепродуктов, угля, золота, алмазов; – запрет на экспорт оборудования для нефтегазовой отрасли.
Торговля	– запрет экспорта товаров двойного назначения, высоких технологий, предметов роскоши; – запрет импорта стали, алюминия, меди, древесины, морепродуктов; – запрет на оказание профессиональных услуг (юридических, бухгалтерских, консалтинговых, инжиниринговых, рекламных).
Транспорт	– закрытие воздушного пространства для российских самолетов; – запрет захода российских судов в порты Великобритании; – санкции против судов «теневого флота».
Медиа и информационная сфера	– санкции против пропагандистских СМИ (Russia Today, Sputnik).
Персональные санкции	– санкции против Путина, Лаврова, бизнесменов (Абрамович, Усманов, Фридман), членов семей, депутатов Госдумы, военных и силовиков.
Наука и образование	– приостановка совместных исследовательских проектов с Россией.

Швейцария присоединилась к санкциям ЕС (но с некоторыми особенностями) в ответ на начало Россией специальной военной операции на Украине, что отражено в табл. 6. Санкционная политика Швейцарии в период 2022–2025 гг. представляет собой исторический разрыв с ее многолетней традицией нейтралитета, однако меры носят осторожный, производный и адаптированный характер, призванный соблюсти формальное выполнение международного давления при минимальном ущербе для собственной финансовой системы.

Ключевой принцип – зеркальное отражение санкций ЕС, что наиболее ярко видно на примере замораживания активов лиц из европейских списков и запрета на работу с отключенными от SWIFT банками. Это позволяет Швейцарии сохранять лицо в западном мире, избегая при этом самостоятельных, более жестких решений. При этом меры, напрямую ударяющие по сердцу швейцарского финансового сектора – запрет на трастовые и управляющие услуги для российских клиентов – являются прямым ответом на критику о роли страны как «сейфа» для активов российской элиты и направлены на ограничение самых чувствительных операций, не затрагивая всю банковскую систему.

Ограничения в торговле, транспорте и сфере услуг демонстрируют попытку сбалансировать соответствие международной коалиции с защитой конкретных экономических интересов. Например, запреты на экспорт технологий и импорт сырья (золота, стали, алмазов) являются чисто техническим переносом норм ЕС, в то время как запрет на ремонт и обслуживание российских самолетов и яхт бьет по высокодоходным нишевым отраслям, обслуживавшим элиту, и носит символический характер. Отсутствие полного, безоговорочного эмбарго на энергоносители и осторожные формулировки указывают на желание сохранить определенные деловые каналы.

Таким образом, швейцарский подход можно охарактеризовать как минимально необходимую адаптацию, которая позволяет стране избежать статуса «слабого звена» в западном санкционном фронте, но при этом не превращаться в его авангард, сохраняя элементы экономического прагматизма.

¹ Таблица составлена авторами самостоятельно на основании анализа обзора антироссийских санкций от юридической фирмы VEGAS LEX «Международные санкции в отношении российских юридических и физических лиц в связи с украинским кризисом» – [Электронный ресурс] – URL: https://www.vegalex.ru/upload/medialibrary/015/mm2x8n7vi5vyljld6a939vijwut39tj3/VEGAS_LEX_Alert_Sanctions_March_2025_RUS.pdf (Дата обращения: 20.12.2025 г.)

Таблица 6 – Санкции в отношении России со стороны Швейцарии (2022–2025)¹

Table 6 – Sanctions against Russia by Switzerland (2022-2025)

Сфера применения	Основные меры
Финансы	– замораживание активов лиц из санкционных списков ЕС; – запрет на операции с российскими банками, отключенными от SWIFT; – запрет на предоставление услуг трастовым и управляющим компаниям для российских клиентов.
Энергетика	– запрет импорта российской нефти и нефтепродуктов (с оговорками); – запрет на экспорт технологий для нефтегазового сектора.
Торговля	– запрет экспорта товаров двойного назначения и высоких технологий; – запрет импорта стали, золота, алмазов, цемента, древесины; – запрет на оказание услуг (IT, инжиниринг, юридические, консалтинговые).
Транспорт	– закрытие воздушного пространства для российских самолетов; – запрет на ремонт и обслуживание российских самолетов и яхт.
Медиа и культура	– ограничения на вещание российских пропагандистских каналов.
Персональные санкции	– санкции против олигархов, чиновников, военных, пропагандистов.

Выводы

В качестве ключевого стресс-фактора, позволяющего наблюдать трансформацию управленческих моделей и механизмов адаптации государства, в современной научной литературе рассматриваются международные санкции.

Проведенный анализ позволяет заключить, что если сравнить проводимую ЕС, США, Великобританией и Швейцарией санкционную политику в отношении России, то можно заметить общую эволюцию западных санкций от точечных мер (2014–2021 гг.) к всеобъемлющей экономической войне (2022–2025 гг.), однако с критическими различиями в подходах и темпах. Систематизация изложенного выше межстранового разнообразия ограничительных механизмов с учетом хронологического среза – по годам (2022–2025) – представлена в табл. 7. Указанный формат позволяет, с одной стороны, унифицировать разнородный нормативный материал, а с другой – выявить лаги введения идентичных по сути мер в разных правовых системах.

На начальном этапе (хронологически – до 2022 г.) наиболее выраженную проактивность демонстрировали США, действовавшие во многом автономно: акцент делался на целевых финансовых ограничениях и запретах в энергетической сфере. Европейский союз же и Великобритания (в тот период еще до завершения Brexit) функционировали как согласованная пара, принимая меры преимущественно в рамках «крымского» трека. После 2022 г. конфигурация кардинально меняется: фиксируется беспрецедентная по масштабам конвергенция политик. Все перечисленные юрисдикции синхронно переходят к полномасштабной финансовой блокаде (под которой понимается заморозка активов Банка России и блокировка ключевых банковских институтов) и вводят энергетическое эмбарго. При этом США сохраняют за собой позицию генератора наиболее сложных инструментов, таких как механизм потолка цен на нефть и санкционные меры против «теневого флота». Остальные игроки подключаются к этим инициативам постепенно.

Ключевое различие между юрисдикциями, как показывает проведенный анализ, лежит в плоскости автономии принятия решений и, как следствие, в глубине проработки рестрикций. США и Великобритания, не обремененные необходимостью согласовывать позиции в рамках наднационального объединения с множеством участников, демонстрируют большую жесткость и оперативность. Это особенно заметно в двух областях: во-первых, в запретах на профессиональные услуги (юридические, консалтинговые, аудиторские), где англосаксонские юрисдикции вводили ограничения раньше и с меньшим числом исключений; во-вторых, в механизмах преследования активов, принадлежащих лицам из ближнего экономического круга российской власти, включая работу с трастовыми схемами.

¹ Таблица составлена авторами самостоятельно на основании анализа обзора антироссийских санкций от юридической фирмы VEGAS LEX «Международные санкции в отношении российских юридических и физических лиц в связи с украинским кризисом» – [Электронный ресурс] – URL: https://www.vegalex.ru/upload/medialibrary/015/mm2x8n7vi5vyljld6a939vijwut39tj3/VEGAS_LEX_Alert_Sanctions_Mar_ch_2025_RUS.pdf (Дата обращения: 20.12.2025 г.)

Таблица 7 – Сравнительный анализ санкций США, Великобритании, Швейцарии и ЕС по годам¹
 Table 7 – Comparative Analysis of Sanctions by the USA, the UK, Switzerland, and the EU by Year

Год	США	Великобритания	Швейцария	ЕС
2014	Санкции против банков (ВЭБ, Газпромбанк) и энергетических компаний. Персональные санкции против чиновников и олигархов	Применение санкций ЕС (до Brexit)	Присоединение к санкциям ЕС против Крыма. Замораживание активов, запреты на въезд	Первые пакеты санкций: заморозка активов, запрет на въезд, ограничения в торговле и финансах
2021	Поддержание действующих санкций, новые ограничения по Nord Stream 2	Поддержание санкций ЕС	Следование санкциям ЕС	Продление и расширение санкций
2022	Полная финансовая блокада (ЦБ РФ, Сбербанк). Запрет импорта нефти, газа, угля. Санкции против олигархов и пропагандистов	Заморозка активов ЦБ РФ, санкции против банков. Запрет импорта энергоносителей. Закрытие неба для российских самолетов	Присоединение к санкциям ЕС. Замораживание активов, ограничения в торговле и финансах	Масштабные пакеты санкций (1–9): отключение от SWIFT, запрет импорта нефти и угля, ограничения на золото, персональные санкции
2023	Ужесточение экспортного контроля, санкции против военно-промышленного комплекса. Предельные цены на нефть	Расширение санкций на новые секторы (металлы, алмазы). Запрет на профессиональные услуги	Расширение санкций в соответствии с пакетами ЕС	Пакеты 10–12: запрет на импорт алмазов, стали, алюминия; ограничения на СПГ, услуги
2024	Санкции против «теневых флота», оборонных предприятий, банков. Ограничения на использование СПФС	Санкции против судов, перевозящих российскую нефть. Ограничения на алмазы, ювелирные изделия	Следование санкциям ЕС (включая пакеты 13–14)	Пакеты 13–15: ограничения на СПГ, услуги, транзакции через СПФС, санкции против портов и аэропортов
2025	Новые санкции против банков и оборонного сектора.	Санкции против «теневых флота», банков и оборонных предприятий.	Следование санкциям ЕС (пакет 16).	Пакет 16: отключение банков от SWIFT, запрет транзакций с портами и аэропортами, ограничения на строительные услуги.

Европейский союз, напротив, двигается медленнее – что объясняется имманентной особенностью коллективного принятия решений, требующей консенсуса. Однако постепенно, пакет за пакетом, санкционный массив ЕС приобретает наиболее комплексный и детализированный характер. Лазейки, выявленные в процессе правоприменения (использование СПФС, транзитные портовые процедуры, импорт строительных услуг), последовательно закрываются. В итоге именно союз выходит на первое место по охвату секторов и глубине прописанных запретов, хотя и с временным запаздыванием относительно США.

Отдельного внимания заслуживает Швейцария. Ее позиция уникальна в рамках рассматриваемого блока стран. Швейцария практически зеркально копирует решения Европейского союза, не выдвигая собственных инициатив и не опережая события. Формально такая стратегия позволяет соблюсти лояльность единому западному курсу, однако сложившаяся репутация «слабого звена» (подкрепленная исторической ролью швейцарской финансовой системы как тихого убежища для капиталов) сохраняется. Отсутствие проактивных шагов и инерционность реагирования делают этот режим наиболее уязвимым с точки зрения эффективности.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что тактическое лидерство в разработке новых санкционных инструментов остается за США. В то же время системный, долгосрочный и многослойный характер ограничений формируется скорее усилиями ЕС и, с некоторыми оговорками, Великобритании.

¹ Таблица составлена авторами самостоятельно.

Проведенный структурный анализ позволяет заключить: западные страны расставляют акценты по-разному. Для США приоритетны технологическая блокада и финансовая изоляция; для стран Евросоюза – энергетические рестрикции, торговые эмбарго и запреты на услуги; для Великобритании – воздействие на экономическую элиту России, включая трастовые и юридические механизмы. Швейцария же, при всей формальной вовлеченности, стремится к поддержанию баланса между санкционным давлением и сохранением атрибутов нейтрального статуса. Взятые вместе, указанные различия дают возможность оценить не только совокупные масштабы давления, но и долгосрочные стратегические приоритеты каждой из перечисленных юрисдикций применительно к Российской Федерации.

Проведенный структурный анализ позволяет перейти от констатации текущей архитектуры санкций к прогнозу долгосрочных вызовов, которые эта архитектура создает для экономической безопасности и модели развития страны:

1. Технологический суверенитет и инновационный разрыв

Кумулятивный эффект запретов на экспорт микроэлектроники, станков с ЧПУ, программного обеспечения и товаров двойного назначения (особенно со стороны США и ЕС) ведет не просто к временным сбоям поставок, а к консервации технологического отставания в критических отраслях (авиастроение, микроэлектроника, медицинское оборудование). При сохранении текущего режима уже к 2030 г. следует ожидать ускоренного морального старения производственных фондов в обрабатывающей промышленности и роста зависимости от нелегальных или «серых» каналов поставок, что повышает риски техногенных аварий и потери конкурентоспособности.

2. Финансовая автономия и валютная изоляция

Заморозка активов Банка России и отключение ключевых банков от SWIFT и долларовых/евровых расчетов стимулируют развитие альтернативной платежной инфраструктуры (СПФС, расчеты в рублях и валютах дружественных стран). Однако в среднесрочной перспективе сохраняется высокая трансакционная стоимость внешнеторговых операций, а накопленные золотовалютные резервы остаются частично недоступными. Это ограничивает возможность стабилизации рубля при новых ценовых шоках и требует постоянного поддержания положительного торгового баланса за счет сырьевого экспорта.

3. Перестройка международной логистики и рост издержек

Закрытие европейского и североамериканского направлений для авиа-, авто- и железнодорожных перевозок привело к форсированному развороту на Восток и Юг. Несмотря на краткосрочную адаптацию (рост перевалки через порты Новороссийска, Владивостока, сухопутные коридоры с Китаем и Ираном), долгосрочные издержки включают: удлинение маршрутов (рост времени доставки в 1,5–2 раза), необходимость инвестиций в портовую и пограничную инфраструктуру, а также уязвимость «теневого флота» для вторичных санкций. В перспективе 5–7 лет это приведет к устойчивому повышению логистической составляющей в цене экспорта и импорта, что снизит конкурентоспособность российских несырьевых товаров.

Таким образом, структурная логика западных санкций (особенно после 2022 года) нацелена не на краткосрочное изменение политики, а на долгосрочное ослабление технологической, финансовой и логистической самостоятельности России. Ответом на эти вызовы может стать только комплексная стратегия импортозамещения, перестройка финансовых потоков и глубокая интеграция с новыми торговыми партнерами, что требует отдельного прогнозно-управленческого исследования.

Список источников

1. Амирова С. А. Экономические санкции: теоретические и исторические аспекты // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 4. С. 138–143. EDN: PXBLNN
2. Гармашова Е.П., Дребот А. М., Баранов А. Г. и др. Санкции как меры международного принуждения: основные виды и теоретические подходы к понятию // Экономические отношения. 2020. Т. 10. № 3. С. 649–662. <https://doi.org/10.18334/eo.10.3.110824>. EDN: MSJIW
3. Семенов А.В. Политико-экономические санкции в современных международных отношениях // Власть. 2015. №7. С. 67–72. EDN: UDRSAV
4. Телегина Е. А., Халова Г. О. Санкции и торговые войны как индикаторы трансформации мирового хозяйства. Возможности для России // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 13–20. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-13-20>. EDN: ZAJCXR
5. Соболев Т.С., Шарай А.И. Современное состояние экономики России в условиях санкций и перспективы ее развития // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2023. №1 (44). С. 7–15. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2023-1-7-15>. EDN: CCASCJ

6. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Издание 3-е, переработанное и дополненное / [сост. И. Н. Тимофеев, П. И. Чуприянова, К. В. Троцкая]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. 536 с.

7. Гринберг Р. С., Белозеров С. А., Соколовская Е. В. Оценка эффективности экономических санкций. Возможности систематического анализа // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 2. С. 354–374. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-1>. EDN: LOFZMR

8. Чебан Т. А., Дигилина О. Б. Влияние санкций на транспортно-логистическую отрасль России // Вестник НГУЭУ. 2024(4). С. 188–197. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2024-4-188-197>. EDN: RMHDEO

9. Покровская О. Д., Воробьев А. А., Мигров А. А. и др. Альтернативная логистика Российской Федерации в условиях западных санкций // International Journal of Advanced Studies. 2022. № 4. С. 111–134. <https://doi.org/10.12731/2227-930X-2022-12-4-111-134>. EDN: MIWDBQ

10. Гудкова О. Е. Влияние международных технологических санкций на инновационное развитие национальной экономики России // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 5. С. 1753–1768. <https://doi.org/10.18334/epp.14.5.120948> EDN: CGQNSD

References

1. Amirova S.A. Economic sanctions: theoretical and historical aspects. *Issues of Sustainable Development of Society*. 2022;(4):138–143. (In Russ.). EDN: PXBLNN

2. Garmashova E.P., Drebot A. M., Baranov A. G., et al. Sanctions as measures of international coercion: main types and theoretical approaches to the concept. *Economic Relations*. 2020;10(3):649–662. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/eo.10.3.110824>. EDN: MSIIW

3. Semenov A.V. Political and economic sanctions in modern international relations. *Vlast' (The Authority)*. 2015;(7):67–72. (In Russ.). EDN: UDRSAV

4. Telegina E.A., & Khalova G.O. Sanctions and trade wars as indicators of the transformation of the world economy: Opportunities for Russia. *World Economy and International Relations*. 2019;63(2):13–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-13-20>. EDN: ZAICXR

5. Sobol T.S., & Sharai A.I. The current state of the Russian economy under sanctions and prospects for its development. *Witte Moscow University Bulletin. Series 1: Economics and Management*. 2023;1(44):7–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2023-1-7-15>. EDN: CCASCI

6. Timofeev I.N., Chupriyanova P.I., & Trotskaya K.V. (Eds.). *Sanctions policy: goals, strategies, tools: A reader* (3rd ed., rev. and enl.). Moscow: Russian International Affairs Council (RIAC), 2023. 536 p. (In Russ.)

7. Grinberg R.S., Belozеров S.A., Sokolovskaya E.V. Assessing the effectiveness of economic sanctions: Possibilities of systematic analysis. *Economy of the Region*. 2021;17(2):354–374. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-1>. EDN: LOFZMR

8. Cheban T.A., Digilina O.B. The impact of sanctions on the transport and logistics industry of Russia. *Vestnik NSUEM (Novosibirsk State University of Economics and Management)*. 2024;(4):188–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2024-4-188-197>. EDN: RMHDEO

9. Pokrovskaya O.D., Vorobiev A.A., Migrov A.A., et al. Alternative logistics of the Russian Federation under Western sanctions. *International Journal of Applied Sciences*. 2022;(4):111–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.12731/2227-930X-2022-12-4-111-134>. EDN: MIWDBQ

10. Gudkova O.E. The impact of international technological sanctions on the innovative development of the national economy of Russia. *Economics, Entrepreneurship and Law*. 2024;14(5):1753–1768. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/epp.14.5.120948>. EDN: CGQNSD

Информация об авторах

В. А. Сологуб – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Д. С. Труханович – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the authors

V. A. Sologub – Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of State and Municipal Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management.

D. S. Trukhanovich – Senior Lecturer at the Department of State and Municipal Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 28.05.2026. The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 25.05.2026; accepted for publication 28.05.2026.